

Современный МІРЪ

МАЙ

1908

Дом Мухоморова
№ 229

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

	СТР.
1. ПОДВИГЪ. (Окончаніе). Романъ А. Федорова	1
2. Стихотвореніе * * Евг. Тарасова	44
3. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ , въ годы ученія и на пути въ университетъ. Евг. Ляцкого	45
4. Николай Ленау. Съ нѣмецкаго. Стих. 1) МОЛЬБА . 2) ЗАКАТЪ . Перев. К. Бальмонта	76
5. ПУСТЫНЬКА . Разказъ. Д. Мамина-Сибиряка	77
6. Изъ <i>Châtiments</i> В. Гюго . ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ . О. Чюминой	112
7. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОЦІАЛИЗМА . Очеркъ второй. М. Бернацкаго	115
8. БЕЗЪ РОДИНЫ . (Изъ финляндскихъ мотивовъ). О. Ковальской	153
9. ЛАСКОВОЙ ЛѢТНЕЙ ПОРОЙ .. Крошечный романъ Кнута Гамсуна . Пер. съ норвежскаго Ф. Тираспольской . 162	162
10. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ . Годы солдатской ссылки. (1851—1857). Д. Ахшарумова	175
11. ГОЛОСЪ КРОВИ . (<i>Zwischen den Rassen</i>). (Продол- женіе). Романъ Генриха Мана . Переводъ съ нѣ- мецкаго М. Славинской и Р. Ландау	209
—	
12. НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ . М. Панина	1
13. ПО ПОВОДУ КНИГИ ЛЮТГЕНАУ . Францъ Лютгенау.— Естественная и соціальная религія.— Г. Плеханова	19
14. А. И. ЭРТЕЛЬ . К. Левина	29
15. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ . О критикѣ и объ одномъ критическомъ недоразумѣніи. („Литературный Распадъ“, кри- тическій сборникъ.—„О вѣяніяхъ времени“, сборникъ.—„Зар- ницы“, сборникъ). Вл. Кранихфельда	36

16. ЗА РУБЕЖОМЪ. „Балканскій вопросъ“. **К. Вейдемюллера.** 52
17. НА РОДИНѢ. Предъ торжествомъ примиренія. **І. Ларскаго.** 68
18. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Трагедія дѣтской души.
Ник. Іорданскаго. 82
19. ИЗЪ МЕМУАРОВЪ Г-ЖИ ДЕ-БУАНЬ. Забѣтка. **Ч.** 94
20. БИБЛЮГРАФІЯ И КРИТИКА. *Сборникъ „Жизнь“.*—*А. Ярошко.* Разсказы.—*Вглорусовъ.* Въ старомъ домѣ.—*Виталій Танскій.* Femina variens.—*Григ. Новицкій.* Зажженныя бездны.—*Августъ Стриндбергъ.* Исповѣдь глупца.—*Избранныя произведенія русской поэзіи;* сост. В. Бончъ-Бруевичъ.—*Л. Ф. Пантелеевъ.* 1) Изъ раннихъ воспоминаній; 2) Изъ воспоминаній прошлаго; 3) Изъ воспоминаній прошлаго.—*М. Гершензонъ.* Исторія „Молодой Россіи“.—*Исторія Россіи въ XIX в.;* вып. 6—8.—*В. Ильинъ.* Развитие капитализма въ Россіи.—*Забастовки нефтепромышленныхъ рабочихъ* за первое полугодіе 1907 г.—*Гр. Ив. Толстой и Юлій Гессенъ.* Факты и мысли.—*Сборникъ статей:* Профессиональные союзы во Франціи. *И. Я. Гинцбургъ.* Изъ моей жизни.—*К. Черновъ.* Опера „Жизнь за Царя“
М. И. Глинки. 101
21. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ
ДЛЯ ОТЗЫВА (по 20 апрѣля 1908 г.) 129
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Воспоминанія начинаются здѣсь съ пріѣзда автора въ Петербургъ и поступленія его въ университетъ.

Гимназическія воспоминанія автора, напечатанныя въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1901 годъ, почему то не воспроизведены въ отдѣльномъ изданіи. Объ этомъ можно только пожалѣть, потому что такимъ пропускомъ нарушена послѣдовательность разсказа.

Студенческіе годы Пантелѣева совпали съ эпохой реформъ 60-хъ гг., когда и профессорская и студенческая среда, какъ и все культурное русское общество жили въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи. Это были годы знаменитыхъ публичныхъ лекцій, годы перваго появленія женщины въ университетѣ и т. д. Поэтому, несмотря на фрагментарный характеръ студенческихъ воспоминаній автора, они читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ, и въ сознаніи читателя и этотъ любопытный періодъ русской исторіи все же запечатлѣвается въ видѣ цѣльной картины, такъ сказать, интимнаго рисунка.

Книга заканчивается историческимъ очеркомъ существовавшей въ началѣ 60-хъ гг. тайной организаціи, надъ названіемъ „Земля и Воля“. Здѣсь впервые даны обстоятельныя свѣдѣнія о *первой* „Землѣ и Волѣ“, которую до Пантелѣева наша историческая литература почти совершенно игнорировала.

По типу этой послѣдней главы составленъ третій томъ мемуаровъ Л. Ф. или книга вторая „Изъ воспоминаній прошлаго“. Значительная часть книги отведена воспоминаніямъ автора объ его арестѣ, объ условіяхъ тюремнаго заключенія въ Вильнѣ, о судѣ и ссылкѣ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о встрѣчахъ съ М. Е. Салтыковымъ, къ которому авторъ былъ близокъ въ послѣдніе годы жизни сатирики, и воспоминанія о Чернышевскомъ по собственнымъ впечатлѣніямъ и по разсказамъ встрѣчавшихся съ нимъ людей.

Вышедшія въ свѣтъ три книги мемуаровъ Л. Ф. Пантелѣева производятъ въ общемъ настолько хорошее впечатлѣніе, что послѣднюю страницу закрываешь съ желаніемъ поскорѣе увидѣть ихъ продолженіе. У него есть о чемъ разсказать. Разсказчикъ онъ умѣлый и даже поднимающійся, когда это нужно, до высоты художника, какъ это онъ показалъ въ своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Въ своихъ разсказахъ онъ также безпристрастно отзывается о себѣ, какъ и о другихъ, съ философскимъ объективизмомъ отмѣчая и свѣтлыя и тѣневныя стороны людей и явленій. Наконецъ, онъ обладаетъ памятью, которой спокойно могутъ довѣряться его читатели: объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ немногочисленныя и въ общемъ несущественныя ошибки, которыя были отмѣчены современниками и критикой, когда мемуары Пантелѣева частями появлялись въ разныхъ органахъ періодической печати.

Вл. Кр.

„Исторія Молодой Россіи“.—М. Гершензона.—Москва 1908.
„Каждый русскій долженъ знать исторію русской общественной мысли“—говоритъ г. М. Гершензонъ. Это какъ нельзя болѣе справедливо. И мы не можемъ не поблагодарить г. М. Гершензона за то, что онъ усердно разрабатываетъ эту исторію. Только жаль, что г. М. Гершензонъ держится такой точки зрѣнія, которая подчасъ сильно мѣшаетъ ему обнаружить внутреннюю связь изучаемыхъ имъ явленій.

До какой степени вредитъ ему его точка зрѣнія, показываетъ его

характеристика личности А. Н. Раевского въ очеркѣ „М. Ѳ. Орловъ 1). Г. М. Гершензонъ не любитъ А. Н. Раевского. Почему же именно? „Раевскій, — говоритъ онъ, — былъ, конечно, очень уменъ“ (стр. 40). Но у него былъ непростительный въ глазахъ г. М. Гершензона недостатокъ: онъ не способенъ былъ чувствовать „силу и красоту ирраціональнаго въ мірѣ“, и это обстоятельство привело къ тому, что его сильный умъ не принесъ тѣхъ плодовъ, которые онъ могъ бы принести при другомъ отношеніи къ „ирраціональному“. Г. М. Гершензонъ пишетъ: „но умъ, лишенный способности чувствовать силу и красоту ирраціональнаго въ мірѣ, — плоскій и скудный умъ, и таковъ, при всей своей остротѣ, былъ умъ Раевского. Высшія сферы человѣческаго духа были для него закрыты“ (стр. 41). Въ доказательство нашъ авторъ ссылается на Вигеля, который говоритъ по поводу отношеній Раевского къ Пушкину: „Поэзія была ему дѣло вовсе чуждое, равномѣрно и пѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство“ (тамъ же). Какъ ни странна мнѣ эта ссылка на Вигеля, — котораго врядъ-ли можно считать компетентнымъ судьей въ „поэзіи“ и „въ пѣжныхъ чувствахъ“, — однако, я готовъ допустить, что поэтическое чувство было у Раевского мало развито. И я, разумѣется, готовъ признать, что это большой недостатокъ. Однако, этотъ неоспоримо-большой недостатокъ не такъ уже сильно портилъ дѣло, какъ это хочется утверждать г. М. Гершензону. Вотъ, на примѣръ, мы узнаемъ отъ того же г. М. Гершензона слѣдующій чрезвычайно интересный фактъ, заимствованный имъ изъ записокъ Лорера. Во время слѣдствія по дѣлу 14-го декабря Николай сказалъ Александру Раевскому: „Я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не увѣдомили правительство; гдѣ же ваша присяга?“ На это А. Раевскій смѣло отвѣчалъ: „Государь! честь дороже присяги, нарушивъ первую, человѣкъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ обойтись еще“ (стр. 49). Я смѣю думать, что „высшія сферы человѣческаго духа“ не совсѣмъ закрыты для человѣка, способнаго чувствовать такимъ образомъ. Но, можетъ быть, г. М. Гершензонъ возразить мнѣ, что *честь* — *недостаточно „нѣжное“ чувство*. Тогда я напомию ему о жизни А. Раевского въ своемъ полтавскомъ имѣніи Волтышкѣ, куда онъ былъ посланъ по высочайшему повелѣнію изъ Одессы за свои отношенія къ гр. Воронцовой. Тамъ онъ прожилъ три года. „За это время, — говоритъ намъ г. М. Гершензонъ, — Волтышку постигла холера, и онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить бѣдствіе, не жалѣя трудовъ и ни мало не думая о себѣ“ (стр. 74). По этому поводу, — какъ мы опять узнаемъ отъ того же г. М. Гершензона, — одинъ изъ знакомыхъ А. Раевского замѣтилъ, что хотя Пушкинъ называлъ его демономъ, но крѣпостные люди въ Волтышкѣ звали его ангеломъ (тамъ же). Что же думаетъ объ этомъ нашъ авторъ? А онъ думаетъ вотъ что: „самоотверженіе, выказанное имъ (А. Раевскимъ, Г. П.) при этомъ, могло быть обусловлено не столько альтруизмомъ, сколько извѣстнымъ складомъ характера“ (тамъ же). „Какимъ же, именно „складомъ“? Очевидно, *складомъ въ сторону самоотверженія, альтруизма*. Но если это такъ, то я право не знаю,

1) Эта книга г. М. Гершензона представляетъ собою рядъ очерковъ: 1) „М. Ѳ. Орловъ“; 2) „В. С. Печеринъ“; 3) „Н. В. Станкевичъ“; 4) „Т. Н. Грановскій“; 5) „И. П. Галаховъ“; 6) „Н. П. Огаревъ“.

въ чемъ же тутъ разница. Скажу вотъ что. Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, лучшимъ и самымъ надежнымъ критеріемъ для оцѣнки нравственнаго „склада“ всякаго человѣка изъ „высшаго“ класса можетъ и должно служить его отношеніе къ людямъ изъ „низшаго“ класса, *особенно же къ тѣмъ людямъ, которые находятся въ непосредственной зависимости отъ него* или, какъ въ данномъ случаѣ, даже составляютъ его „крещеную собственность“. Когда „собственность“ этого рода называетъ своего *собственника* „ангеломъ“,—конечно, если тутъ нѣтъ лицемерія,—чего мы не можемъ здѣсь предположить,—то для этого человѣка настаетъ открыты „высшія сферы человѣческаго духа“. Это очевидно, и именно оттого, что это очевидно, ясно, что г. М. Гершензонъ опровергаетъ самого себя, какъ это, впрочемъ, не рѣдко случается съ нимъ и въ его книгѣ о Чаадаевѣ. У г. М. Гершензона *факты* сплошь да рядомъ ведутъ междусобную войну съ тѣми *выводами*, которые онъ изъ нихъ дѣлаетъ. И въ этомъ виновата именно его точка зрѣнія, виновата именно его своеобразное пристрастіе къ „ирраціональному“, закутанное въ довольно густой туманъ чего-то, сильно смахивающаго на мистицизмъ. И очень досадно, что онъ держится этой странной точки зрѣнія: онъ талантливый рассказчикъ.

Я потому останавливаюсь на этомъ, что у насъ теперь вообще начинаютъ сильно пошаливать съ „ирраціональнымъ“. Г. М. Гершензону, какъ человѣку, занимающемуся исторіей русской общественной мысли, было бы полезно догадаться, что подъ флагомъ „ирраціональнаго“ у насъ проводится теперь въ литературу много такого теоретическаго снадобья, которое предназначается совсѣмъ не для того, чтобы облегчить читателямъ доступъ въ „высшія сферы человѣческаго духа“, а,—наоборотъ!—для того, чтобы помочь имъ повернуться къ этимъ „сферамъ“ спиной. „Ирраціональное“, это—тотъ окольный путь, которымъ идетъ нѣкоторая часть нашей интеллигенціи къ исполненію своей исторической миссіи: выработать идеологию современнаго русскаго буржуа, инстинктомъ чувствующаго несогласность своихъ классовыхъ интересовъ съ самыми передовыми и ужъ несомнѣнно самыми высшими стремленіями настоящаго времени. Хорошій *рассказчикъ* г. М. Гершензонъ обнаруживаетъ порядочную таки слабость всякій разъ, когда ему приходится оперировать съ *понятіями*, когда ему случается высказать ту или другую *общую мысль*. Вотъ интересный примѣръ.

„Движеніе, овладѣвшее лучшей частью московской молодежи въ среднѣ 1830 годовъ,—говоритъ онъ—не было однимъ изъ тѣхъ частныхъ раскрытій идеала, какими являются всѣ дальнѣйшія наши общественныя движенія, по преимуществу политическія; въ томъ и заключается его великая особенность, что оно имѣло своимъ предметомъ весь идеалъ въ цѣломъ, точнѣе, не какое нибудь его приложеніе, а самую его субстанцію. Эти юноши мечтали не о частныхъ улучшеніяхъ нравственнаго или политическаго свойства, а о восстановленіи въ человѣкѣ его божественной природы вообще. Словами своихъ нѣмецкихъ учителей они говорили, что во вселенной царитъ разумъ, который только въ человѣкѣ можетъ достигать самосознанія, и что, слѣдовательно, высшій долгъ человѣка заключается въ томъ, чтобы сознательно жить по тѣмъ же законамъ, какъ и вселенная. Въ этихъ стремленіяхъ человѣку, по справедливому выраженію современника (Анненкова), открывался *новый міръ*“ (стр. 207). Очень хорошо!

Но что значить „божественная природа чело́вѣка“? Чело́вѣкъ есть чело́вѣкъ, и я не облегчаю, а затрудняю себѣ пониманіе его природы, если я объявляю ее божественной. Далѣе. Если во вселенной царитъ *разумъ* и если этотъ разумъ достигается въ чело́вѣкѣ *самосознанія, то пониманіе* вселенной вполнѣ доступно чело́вѣческому разуму (*хотя и не разсудку*), и для „*ирраціональнаго*“ не остается мѣста ни въ природѣ, ни въ общественной жизни.

А мы уже знаемъ, что чело́вѣкъ, лишенный способности чувствовать „силу и красоту ирраціональнаго въ мірѣ“, не можетъ проникнуть въ высшія сферы чело́вѣческаго духа. Выходить, что и для московской мыслящей молодежи тридцатыхъ годовъ эти высшія сферы должны были оставаться недоступными. А съ другой стороны, изъ словъ г. М. Гершензона несомнѣнно выходитъ, что эта молодежь и проникала въ нихъ болѣе, тѣмъ какая нибудь другая. Какъ же понимать это? Какъ тутъ связать концы съ концами? Я не знаю, да, пока что, я думаю, что не знаетъ и г. М. Гершензонъ.

Еще примѣръ. Говоря объ увлеченіи Герцена и Огарева естественными науками въ 1843—46 гг., „въ конечномъ итогѣ ихъ занимала больше всего социальная жизнь, слѣдовательно, исторія, и вотъ оба они одновременно приходятъ къ сознанію, что исторія должна быть основана на антропологіи, антропологія, въ свою очередь, на фізіологіи, фізіологія—на химіи; въ началѣ 1845 г. Огаревъ, сообщая Герцену о курсѣ антропологіи, открытомъ въ Парижѣ Югюстомъ Контюмъ, и о занятіяхъ Боткина и Фролова естественными науками, съ торжествомъ указывалъ на то, что всюду возникаетъ интересъ къ антропологіи, наукѣ о конкретномъ чело́вѣкѣ. Это было дѣйствительно освобожденіе отъ всякой предвзятой точки зрѣнія, какъ отъ спиритуализма, такъ и отъ матеріализма. Они нашли выходъ изъ двойственности логики и природы: вещество — такая же абстракція внизъ, какъ логика абстракція вверхъ; въ конкретной дѣйствительности нѣтъ собственно ни того, ни другой, а есть процессъ“ (стр. 226). Это опять весьма не ясно и даже больше: это прямо неточно.

На самомъ дѣлѣ развитіе Герцена и Огарева было развитіемъ отъ Гегеля къ Фейербаху, т. е. *отъ идеализма къ матеріализму*, въ противоположность г. Булгакову, развивавшемуся, какъ извѣстно, отъ историческаго матеріализма до Оптиной пустыни. Совершенно справедливо то, что *они не всегда сознавали* это направленіе своего развитія. Совершенно справедливо также и то, что, находясь въ процессѣ этого развитія отъ Гегеля къ Фейербаху, они иногда запутывались въ своихъ собственныхъ философскихъ идеяхъ, не сумѣли внести въ нихъ надлежащую стройность и потому могли *казаться себѣ и другимъ* одинаково далекими какъ отъ *идеализма* (этотъ терминъ умѣстнѣе здѣсь, нежели употребляемый Г. Гершензономъ терминъ: *спиритуализмъ*), такъ и отъ *матеріализма*. Но вѣдь это вовсе не выходъ, а *только неумѣнье найти таковой*. Въ самомъ дѣлѣ, что это значить, что въ конкретной дѣйствительности нѣтъ ни логики, ни вещества, а есть одно ихъ взаимодействіе, есть процессъ? Вѣдь ясно же, какъ божій день, что взаимодействіе между А и В предполагаетъ существованіе *какъ А, такъ и В*. И разъ мы признали это ихъ *взаимодействіе*, то мы тѣмъ самымъ признали и *ихъ существованіе*. Значить, мы уже не имѣемъ никакого права утверждать, что *ихъ „собственно нѣтъ“*. Совсѣмъ напротивъ:

изъ нашихъ собственныхъ словъ выходитъ, что *они собственно есть*. Кромѣ того, разъ мы признали *взаимодѣйствіе между „логикой“ и „веществомъ“*, мы закрыли себѣ всякій выходъ изъ *дуализма*, согласно которому человекъ состоитъ изъ *души и тѣла*, при чемъ между этими его составными частями существуетъ *взаимодѣйствіе*. *Монизмъ* состоитъ вовсе не въ томъ, въ чемъ его какъ будто ищетъ Г. Гершензонъ. *Идеалистическій монизмъ* смотритъ на *матерію* („вещество“), какъ на „*инобытіе* духа“; *материалистическій монизмъ* считаетъ мысль *свойствомъ матеріи* (когда Вольтеръ говорилъ: „я—тѣло, и я мыслю“, этотъ денствъ высказывалъ совершенно материалистическую мысль). Можно склоняться къ *идеализму*; можно склоняться къ *материализму*. Но выбрать между ними необходимо, ибо *третьяго нѣтъ!*

Что значать эти слова,—такъ часто повторяемая теперь дилеттантами философін: *вещество есть абстракція*? Всякое *понятіе есть абстракція*, и если я имѣю *понятіе о веществѣ*, то вещество, какъ *мое понятіе*, несомнѣнно есть тоже абстракція. Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, *есть-ли, за предѣлами моего „я“, что-либо, соответствующее этой „абстракціи“*. Главнымъ отличительнымъ признакомъ всякой данной философін и является *тотъ отвѣтъ, который она даетъ на этотъ вопросъ*. А г. Гершензонъ позабываетъ обо всемъ этомъ и только повторяетъ: *вещество—абстракція; логика—абстракція*. Слова! Слова! Слова!

„Каждый русскій долженъ знать исторію русской общественной мысли“. Высказавъ эту мысль, г. Гершензонъ высказалъ самую неоспоримую истину. Но онъ и не подозреваетъ, какъ трудно русскому нашихъ дней исполнить указанную обязанность. Тридцатые и сороковые годы являются у насъ фокусомъ, въ которомъ сходятся и изъ котораго расходятся всѣ течения русской общественной мысли. Пониманіе этой эпохи безусловно необходимо. А чтобы понять ее, столь же безусловно необходимо понять философскія системы, оказавшія наиболѣе сильное вліяніе на мыслящихъ русскихъ людей того времени, т. е. *системы Гегеля и Фейербаха*. А у насъ какъ нельзя болѣе основательно не знаютъ теперь *ни той, ни другой*. Что же изъ этого получается? Ясно—что. Исторія русской общественной мысли остается непонятою въ самыхъ главныхъ своихъ, самыхъ глубокихъ теченіяхъ. И это, вѣроятно, долго такъ будетъ, потому у нашей пишущей братіи что-то совсѣмъ незамѣтно никакого стремленія хорошенько изучить Гегеля и Фейербаха. Наши историки русской общественной мысли довольствуются тѣмъ, что повторяютъ объ этихъ мыслителяхъ ходячіе отзывы, избитыя общія мѣста. Оттого и выходитъ, что при всемъ талантѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, имъ до сихъ поръ не удается попасть „въ самую жилу“, какъ выражается дьяконъ у Г. И. Успенскаго.

Г. М. Гершензонъ принадлежитъ, какъ я уже сказалъ, къ числу талантливыхъ изслѣдователей въ области исторіи нашей общественной мысли. Нѣкоторые очерки, входящіе въ составъ его „*Молодой Россіи*“, читаются съ захватывающимъ интересомъ, особенно очеркъ: „*В. С. Печеринъ*“. отъ котораго трудно оторваться. Конечно, интересъ, вызываемый въ читателяхъ этимъ очеркомъ, въ значительной степени объясняется высоко-драматическимъ характеромъ его предмета. Но не мало значить и собственное г. М. Гершензону живое, увлекательное изложеніе. И при всемъ томъ очевидно, что до самой жилы исторіи нашей общественной жизни, нашъ

авторъ никогда не проникнетъ. Очень ужъ онъ безпомощенъ по части философіи. Смѣшно сказать, а грѣшно утаить: г. Гершензонъ пресерьезно относитъ г. П. Струве къ числу „русскихъ мыслителей“. Это показываетъ, какъ плохо разбирается онъ въ мыслителяхъ вообще. И только потому, что онъ вообще плохо разбирается въ нихъ, онъ могъ написать уже приведенныя мною выше строки о томъ, что философское увлеченіе, охватившее московскую молодежь тридцатыхъ годовъ имѣло своимъ предметомъ не какое нибудь приниженіе идеала, а „самую его субстанцію“. Еще Герценъ очень хорошо понималъ, — и очень не дурно объяснилъ въ своей брошюрѣ о развитіи революціонныхъ идей въ Россіи, — что тогдашнія философскія увлеченія мыслящей молодежи вызваны были исканіемъ тѣхъ средствъ, которыя помогли бы ей справиться съ окружающей ее безобразной дѣйствительностью. Съ этой, — единственно - правильной, — точки зрѣнія становятся понятными и всѣ дальнѣйшія наши умственные движенія и увлеченія. Но г. Гершензону она, должно быть, кажется не достаточно возвышенной. Онъ предпочитаетъ толковать о „субстанціи идеала“, о „божественной природѣ челоуѣка“ и тому подобныхъ туманностяхъ („субстанція идеала“ — это „ирраціонально“, но только не въ смыслѣ, любезномъ г. Гершензону). Въ этихъ туманностяхъ очень легко просмотрѣть „самую субстанцію“ дѣла, и я готовъ держать пари, что если г. Гершензонъ возьмется когда нибудь за Бѣлинскаго и захочетъ понять „субстанцію“ его спора со славянофилами, то до „субстанціи“ онъ не доберется.

И все таки я скажу: читайте, читайте „Исторію Молодой Россіи“ г. М. Гершензона! Она даетъ много цѣннаго фактическаго матеріала для пониманія нашего умственного развитія. А что касается этого послѣдняго, то г. М. Гершензонъ трижды правъ: „каждый русскій долженъ знать исторію русской общественной мысли“, хотя и трудно, — охъ, какъ трудно! — нынѣшнему російскому интеллигенту, сбиваемому съ толку всевозможными модными „ирраціональностями“, выполнить эту обязанность. По истинѣ, легче верблюду войти въ игольное ушко. Но, все таки надо стараться!

Г. Плехановъ.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К^о. Вып. 6—8, стр. 401—606. Выпусками 6—8 заканчивается первый томъ обширнаго коллективнаго труда. О первыхъ выпускахъ мнѣ уже пришлось говорить въ № 1 „Соврем. Міра“. Я отмѣтилъ тогда же основную особенность и цѣнность монографій, вошедшихъ въ изданіе, — отмѣтилъ попытку внести новый взглядъ въ російскую исторіографію, освѣтить русскую исторію съ классовой точки зрѣнія. Основными, въ этомъ смыслѣ, являются монографіи М. Н. Покровскаго. Въ 7—8 вып. мы находимъ новую его работу: „Внѣшняя политика Россіи въ первые десятилѣтія XIX вѣка“.

Достаточно небольшого примѣра, чтобы понять все отличіе новаго метода исторической работы М. Н. Покровскаго отъ старыхъ пріемовъ освѣщенія событій. Типичный для идеалистической исторіографіи Пыпинъ ставитъ, напримѣръ, въ главу изслѣдованія *общественныхъ* движеній при Александрѣ I изученіе личнаго характера и условій воспитанія императора Александра I. Колебанія внутренней политики объясняются „недостаткомъ воспитанія воли и недостаткомъ пониманія отношеній“ со стороны императора. За то во внѣшней политикѣ Александръ I былъ